

Максуд Ибрагимбеков

Где та дорога?

Задание у меня сегодня предельно простое — взять интервью у французского певца, приехавшего на гастроли в Баку. Нужно, чтобы он сказал несколько слов о его настроении, впечатлениях. Скажет. Это же для него превосходная реклама во Франции. Раз он пользуется успехом в СССР, где искусство, как известно всем, на высоте, так этот эстрадный певец или, выражаясь по-французски, шансонье, действительно из себя что-то представляет. Пустяковое задание.

...Погода прекрасная. Прогуливаются люди, молодых много. Давно я так не гулял в воскресенье, давно. Все идут, о чем-то беседуют. Явно получают удовольствие. От всего: от погоды, от прогулки... Молодые. Я тоже молодой, только чуточку постарше. Наверное, все дело в этом проклятом «чуточку». Иногда я жалею, что не верю в бога. Если бы я верил, я сказал бы ему: «Старик, я понимаю, у тебя, может быть, склероз из-за твоего преклонного возраста, и вообще тебе некогда заниматься каждым человеком в отдельности, и во все твои дела я не вмешиваюсь, но в отношении людей ты поскупился. Ну куда это годится, что человек живет какие-то семьдесят — восемьдесят лет? И даже бог с ним, с этим. Но ведь с молодостью человек прощается в двадцать пять лет! Вот что обидно. Так уж будь добр, распорядись».

Ого, половина третьего! Пора. Концерт в три и концерт в шесть, не многовато ли? Голос сорвать можно. Впрочем, какое мне дело до чужих голосовых связок? Мне нужно интервью.

В фойе народ, перед дверью в артистическую толпятся девицы. Вид у них такой, будто через минуту им предстоит крупный разговор со знаменитостью. Но к знаменитости их не пускают, вот ведь в чем дело.

Неужели это он?.. Маленький, черненький, вертлявый... Очень подвижное лицо, кожа на нем начинает подергиваться за мгновение до того, как он откроет рот. Настоящий невротик... «Нет, нет, мосье, никаких интервью до концерта. Эти полчаса я должен быть абсолютно спокоен...» Интересно, как это у тебя получается — быть спокойным? Полчаса до концерта и, как минимум, два с половиной часа концерт... Потратить три часа на какое-то пустяковое интервью... Плюнуть, уйти, что ли? Ничего не получится, интервью обещано в редакции, придется ждать. А это, интересно, кто? Лет на пять старше певца и смотрит на него... Когда женщина так смотрит на кого-нибудь, это значит, для нее не существует полтора с небольшим миллиарда остальных мужчин на Земле. Он собирается, кажется, меня представить. Легкое пожатие маленькой руки... Так я и думал — жена. Судя по шуму, который доносится сюда, все уже в зале. Он перед выходом на мгновение задерживается, берет руки жены, что-то шепчет ей, целует...

...В фойе уже никого нет. Только несколько опоздавших торопливо раздеваются у гардероба. Какая-то женщина поправляет прическу у зеркала. Саида. Трудно даже поверить, что когда-то с этой высокой, очень красивой женщиной мы были маленькими

детьми. И вместе прочли первую в жизни книгу — «Букварь». Ой, как приятно ее снова увидеть!..

«Ну, хоть раз в год ты можешь позвонить!» Действительно, почему я не звоню ей хотя бы раз в год? «Мы тебя только сегодня вспоминали». У нее муж — славный человек. «Он на работе сегодня, неожиданно вызвали, а я только днем и могу куда-нибудь вырваться: домработница уходит в семь, и с ребенком некому остаться. У меня лишний билет. Если ты один, сядем рядом...»

Теперь мне эти предстоящие два с половиной часа не страшны. И уж конечно сидеть рядом с Сайдой гораздо приятнее, чем в служебной ложе. Даже не верится: рядом сидит Саида и смотрит на сцену. Ну как это я о ней столько времени не вспоминал?

При выходе никаких аплодисментов. Все правильно. Их надо заработать. В Баку его еще никто не знает. Представил оркестр. Он по плечо самому низкому из них. Здоровые ребята, особенно контрабасист. Стоят все четверо и улыбаются. Прямо члены сборной команды по боксу, а он их тренер. Концерт начался... Он поет, свободно передвигаясь по сцене с микрофоном в руке. Незнакомый мотив, незнакомая песня... Зал уже молчит. Ни звука. В зале только его голос. И музыка. Он уже овладел вниманием, мыслями сидящих в зале.

Музыка, пахнувшая морем и весенним ветром, пахнувшая первой акацией. Что он говорит? «Есть в жизни такие дни, когда хочется спрятать голову в твоих нежных руках и забыться, как когда-то в далеком детстве. Где та дорога, которая вернет нас в былое?»

У Сайды блестят глаза. В полумраке не видно, плачет она или нет. В детстве она всегда плакала, когда слушала хорошую музыку. Напротив нас через улицу жил мальчик, он часто играл «Революционный этюд» Шопена. Мы тогда не знали, что эта вещь так называется — «Революционный этюд». Мальчик этот был старше нас, и мы не решались говорить с ним на музыкальные темы. Так вот. Саида каждый раз плакала, как только он начинал играть эту вещь. А это неправда, что ее муж не пришел на концерт из-за работы. Просто он не любит музыку. Он вообще кроме полимеров и Саидки ничего больше на свете, по-моему, не любит... До чего же мне хорошо! «Ты даже не взглянула на меня, пройдя мимо, а я побрел за тобой по бульвару. Но вот подошел к тебе знакомый мужчина, и я почувствовал зависть. Потому что я мог бы тебя полюбить».

Музыка слов... Хоть бы никогда не кончалась. А он поет, и уже нет в зале сцены, певец ходит меж рядов, обращаясь к каждому. «Когда тебя больше не любят, с тобою остается горе. Когда ты разлюбил, у тебя не остается ничего». Наваждение какое-то. «Когда я встречаю на улице стариков, мне становится страшно, ведь придет и наша последняя весна, и там, где горел огонь нашей молодости, мы найдем лишь пепел».

Все... Конец. Представление, так сказать, окончено. Мы пробираемся сквозь толпу в фойе... «Здравствуйте, здравствуйте! Как вам понравилось? Прекрасный певец, не правда ли, он похож чем-то на Азнавура. Манера такая же, а? Нет, он больше похож на Жильбера Беко... Конечно, это на целую голову выше американцев. Это, конечно, отличный певец... Говорят, скоро Эдита Пьеха приедет...»

Артистическая. «А, мосье, по поводу интервью. Я к вашим услугам. У нас целых два часа. Очень рад познакомиться». Это он Саиде. Что-то я говорю ему по поводу его концерта...

«Простите...» Он отпускает музыкантов до вечернего концерта. Жена наливает нам кофе из огромного термоса. Первый раз в жизни пью кофе из термоса. «Выпьем?» Он достает бутылку коньяка с какими-то многочисленными наклейками. Переводчик разливает. Пьем. Потом еще и еще раз. Я, кажется, опьянел, потому что ловлю себя на мысли: очень хочется попросить его, чтобы он спел. Саида о чем-то говорит с его женой. О чем-то говорим и мы. Почему он показался таким некрасивым? «Может быть, не стоило пить до вечернего концерта?» — осторожно спрашиваю у жены. «Нет, нет, он всегда пьет». Она смеется. «Иногда и в антрактах», — от себя добавляет переводчик. Прекрасно, пьем дальше. Это уже советский, четыре звездочки. Теперь говорит только он один. А мы слушаем.

— Я в детстве и долго потом был очень несчастлив... Был слаб и некрасив, у меня не было друзей. Но я был мечтателен. Я мечтал, что когда-нибудь у меня будет очень много денег и в меня будет влюблено много женщин... Мне казалось, тогда я буду счастлив... У меня теперь очень много денег, гораздо больше, чем может потратить один человек, и очень много женщин пишут мне, что хотели бы провести со мной вечер... Это смешно, мосье, но деньги мне не нужны, я трачу на себя меньше, чем младший бухгалтер, а единственная женщина, с которой я счастлив, — это моя жена... Природа очень хитра... Впрочем, я бываю счастлив, когда пою. Я бываю счастлив несколько часов в месяц... В эти часы я не одинок. Недавно я выступал с концертами в одном курортном городе на юге Франции. Меня попросили после концерта посетить санаторий для больных костным туберкулезом. Мне не хотелось ехать, я не люблю больных людей... Но отказаться было неудобно. Я собирался спеть им две-три песни и поскорее уехать... В зале, огромном зале, из окон которого было видно море, в специальных шезлонгах сидели люди. Они сидели неподвижно, и у каждого в руках было зеркало... У всех у них — костный туберкулез в тяжелой стадии, и ни один из них не мог повернуть шеи, они были неподвижны, двигались только руки с зеркалами, ими они ловили мое изображение. Я пел. Они мне не аплодировали, у них были заняты руки. Я им спел тридцать песен... Я видел их глаза... В тот вечер я плакал, но я был счастлив, я был благодарен богу, что могу приносить людям то, чего не могут принести другие... Я обещал им приехать снова, и я не сумею чувствовать себя спокойно, пока не спою им еще раз. Каждый из нас должник, мы все что-то должны остальным людям. И я иногда жалею, что умею только петь. Я себя иногда чувствую очень виноватым, что не могу дать больше того, чем даю. — Он беспомощно провел рукою по лбу, и я заметил, как у него дрожат пальцы. — Я не уверен, что достаточно ясно выражаюсь. Словом, мы все в чем-то виноваты перед остальными людьми, и все в разные периоды жизни что-то остались им должны. — Он с надеждой посмотрел на меня. — Вы временами не испытываете подобного?

Я заметил, что и Саида с интересом ждет моего ответа. Почему-то этот разговор начал меня раздражать. Я неопределенно пожал плечами: по-моему, нет.

Он засмеялся, это был неприятный смех пьяного человека. Жена внимательно посмотрела на него.

— Ну, что же, вы счастливый. И уж во всяком случае гораздо счастливее меня.

— Я бы, наверное, на его вопрос ответила так же, как и ты, — задумчиво сказала Саида. — И все-таки на этот вопрос ни один человек не сумеет ответить точно.

— Мне кажется, наш новый знакомый страдает тем, то во фрейдистской литературе именуется «комплексом вины».

— Не знаю, не знаю, — рассеянно произнесла Саида.

...Хорошо идти рядом и молчать, иногда это заменяет самые задушевные разговоры.

— Послушай, — сказала вдруг Саида, — за два квартала отсюда наш дом. Я его вот уже лет пятнадцать не видела. Давай-ка пройдем по нашей улице...

Давно я здесь не был. И все как будто по-прежнему: и киоск на углу, и будка сапожника, и деревья ничуть не выросли. Все по-прежнему, и вместе с тем это другая улица и другие дома. Мы вошли в наш двор, обошли его и не встретили никого из бывших соседей. Незнакомые дети играли на той же площадке, на которой когда-то играли мы.

— Помнишь, — сказала Саида, — ты упал с этого дерева и ободрал себе правый бок. Тебе сделали противостолбнячный укол, и ты страшно этим гордился, а мы завидовали.

А может быть, это был не я, может быть, ничего этого не было?..

— А здесь мы собирались после школы — ты, я, Борис, Джангир.

— Кстати, где они сейчас? В последние годы я никого из них не встречала.

— Борис преподает в нашей школе. Джангир трудится в каком-то научно-исследовательском институте...

— А Заур?

— Он заместитель министра, разъезжает на черной «Волге».

Мы еще несколько минут постояли во дворе.

— Хорошо что пришли. Для меня с этим домом связано все самое хорошее. Зря мы сюда иногда не приходим.

Мы вышли со двора, который казался мне в детстве огромным, и побрели по улице, которую до пятнадцати лет я называл «нашей». Ну ни одного знакомого! Впрочем, я, кажется, знаю этого полного пожилого человека, идущего по тротуару навстречу. Да, это дядя Сабир. Постарел он очень... И Саида его узнала.

— Ты не знаешь, что поделывает его сын, Азад?

— Ты разве не слышал? Он ведь умер.

— Да брось ты! Отчего же он умер?

— Не знаю. Он умер в тюрьме.

— А как он попал туда, за что?

— Я как-то встретила Бориса, он сказал мне, что Азада арестовали за какое-то уголовное дело. Подробности он мне не рассказывал... С Азадом уже давно что-то было неладно. А ты хорошо его помнишь?

Хорошо ли я его помню? Перед тем, как идти в школу, мы встречались на углу. Он всегда приходил первый и беспокоился всю дорогу, что мы можем опоздать. Учился он хорошо, гораздо лучше меня, и все учителя в один голос говорили, что Азад просто-напросто одаренный ребенок. Он всегда отличался от всех нас. Нет, дело не в том, что он был меньше ростом и щедедушней любого из ребят на нашей улице, что совершенно не мешало ему драться с признанными силачами. Я не помню ни одного случая, чтобы он струсил. Иногда ему здорово попадало, и тогда он озабоченно прикладывал к синяку мокрый платок и спрашивал у всех, очень ли заметно, — он не любил, когда дома узнавали о его драках. По нашим тогдашним понятиям, он был очень смелый человек. Я помню, как-то во время очередного матча по футболу между дворами мяч влетел, разбив вдребезги стекло, в квартиру работника городской пожарной охраны Ага Джалала, которого все на нашей улице очень боялись. Улица опустела за какое-то мгновение. Из дому выскочил разъяренный пожарный. Посреди улицы совершенно спокойно стоял Азад. Ага Джалал подскочил к нему и ухватил за ухо.

— Я не разбивал вашего стекла, — невозмутимо сказал Азад. — Я не играл в футбол.

Он и вправду не играл, а, стоя на тротуаре, болел за команду своего двора.

— Не играл? — спросил, саркастически улыбаясь, Ага Джалал. — Идем к твоему отцу и спросим у него, играл ты или нет.

— Пойдем, — спокойно сказал Азад.

Трепку дома Азад перенес стоически.

— За что меня отлупили, непонятно, — пожаловался он мне, недоуменно пожимая плечами.

Я ему начал было объяснять, что в таких случаях лучше смываться сразу, не доводя дело до суда взрослых, но замолчал, когда Азад удивленно сказал:

— Но я же все время говорил и Ага Джалалу, и отцу, что я не играл в футбол. Я же правду говорил!

Отца Азад обожал. Если его мать, маленькая незаметная женщина, вечно хлопочущая по хозяйству, в разгар военных действий на нашей улице звала Азада, чтобы послать в магазин за маслом или в керосинную лавку, а размахивающий «саблей» Азад отказывался, то последним и всегда безотказно действующим доводом было: «Перед уходом отец велел тебе это сделать». И тогда каждый раз случалось чудо: из отважного воина Азад превращался в маленького, послушного мальчика, шествующего с кошелкой или керосиновым бидоном мимо своих недавних соратников.

Азад утверждал, что его отец, дядя Сабир, лучше всех на нашей улице играет в нарды. По моему, он обиделся, когда я сказал ему: «А мой отец считает, будто в нарды выигрывает тот, кому везет». Азад говорил, что его отец очень сильный и уж гораздо сильнее моего отца, и мы иногда жалели, что у нас нет возможности выяснить это практически, раз и навсегда.

Каждый раз, когда я приходил к Азаду, дядя Сабир отрывался от газеты и произносил одну и ту же фразу:

— А-а, мальчик, здравствуй, как тебя зовут?

Я здоровался и представлялся.

— Да-да, верно. А в каком ты классе? Выяснив в очередной раз, что мы с Азадом учимся в одном классе, дядя Сабир удовлетворенно говорил:

— Молодец. Очень хорошо. Передай привет папе! — И, снова шевеля губами под стриженной щеточкой усов, принимался читать газету.

Дядя Сабир очень тщательно следил за тем, чтобы в его доме читали газеты. Для Азада он выписывал «Пионерскую правду» и «Мурзилку» и каждый вечер проверял, прочитал ли он их до конца. По мнению дяди Сабира, все порядочные люди читают газеты, и поэтому Азад должен их читать. Я до сих пор не знаю, что он подразумевал под словом «порядочные», но он действительно прикладывал очень много усилий для того, чтобы Азад вырос порядочным человеком. Я сам слышал, как он однажды отругал его.

Всем двором мы поехали в Бузовны. Ну, конечно, приехали, разделись и начали играть в футбол. Вещи свои мы сложили в кучу на песке, а Азад аккуратно завернул штаны и рубашку в газету и закопал их в песок, чтобы не украли. Мы накупались до озноба, собрались домой, и тут выяснилось, что Азад не может найти места, где закопал свои вещи. Искали мы их до позднего вечера, но так и не нашли. Я сам слышал в этот вечер, как дядя Сабир, отлупив Азада, говорил ему расстроенным голосом: «Изо всех сил стараюсь, чтобы ты стал человеком, а ты черт его знает что вытворяешь?!» А Азад ничего не отвечал: он считал это справедливым, он же действительно потерял вещи, и в этом виноват только он сам. Когда я в тот вечер явился домой, то мама не стала со мной разговаривать, а отец спросил у меня, где я пропадал. Я все подробно рассказал ему. Отец вздохнул, и я слышал, как он сказал потом маме: «Сабир — кретин, он может искалечить ребенка!»

В ту осень Азада определили в музыкальную школу, и теперь он каждый день гордо проходил мимо нас с папкой, на которой золотом была вытиснена лира. В музыкальной школе он делал успехи, я сам видел его табель, где были пятерки — и по музграмоте, и по специальности, и по другим предметам. Наверное, со временем из него получился бы хороший пианист, если бы в один прекрасный день дяде Сабиру не показалось, что обучение идет недостаточно быстро. И тогда в их доме появилась Сима Акимовна, учительница музыки. Под ее руководством Азад в самое короткое время стал очень хорошо играть. Она принесла с собой написанные от руки на нотной бумаге модные в то время песенки и стала учить по этим самодельным нотам. Теперь, когда к ним приходили гости, дядя Сабир вызывал Азада, и он играл подряд все разученное по нотам, и гости хвалили Азада.

В этот вечер я был у них. Азад разбирал на пианино очередную песенку, оставленную Симой Акимовной, а дядя Сабир сидел в кресле и, постукивая в такт песенки, читал газету. Вдруг он поднял голову.

— Почему ты начал эту песню снова, ведь ты ее не сыграл до конца?

— Сыграл, — ответил Азад. — Видишь, вот конец, последняя нота.

— Ничего подобного, — сказал дядя Сабир. — Я уже эту песенку хорошо знаю... Ти-ра-ра-рам... Ты не доиграл последний куплет.

— Да я доиграл, папа. Вот посмотри, последняя нота «ми», дальше другая песенка начинается, видишь?

— Ты знаешь, что я в нотах не разбираюсь, — рассердился дядя Сабир. — Но я знаю этот мотив, и потом, днем я слышал, как с учительницей ты играл эту вещь до конца... А сейчас нагло улыбаешься и пытаешься обмануть своего отца... Играй!

Азад несколько раз сыграл эту проклятую песню, каждый раз останавливаясь на одном и том же месте, и, вконец взбешенный, дядя Сабир ударил его по лицу.

Когда я уходил, у Азада из губы сочилась кровь, но он продолжал играть...

На следующий день Азад не явился в школу. Вечером он пришел к нам. Тогда еще у нас в квартире не было газа, я сидел перед пылающей печкой и подкладывал в топку поленья. Я очень любил в детстве сидеть перед печкой. Пришел Азад и молча сел рядом. Он тоже начал что-то подкладывать в огонь. Я вдруг с изумлением обнаружил, что это обрывки нот.

— С ума сошел? Тебя же отец убьет.

— Пусть только попробует!

И вдруг Азад заплакал. В первый раз я видел его плачущим. Оказывается, сегодня к ним приходила Сима Акимовна и принесла с собой последнюю страницу нот вчерашней песенки, она ее по рассеянности захватила с собой. А дядя Сабир совершенно зря отлупил Азада и заставил до часу ночи играть одно и то же.

— Я ему ноты показываю, говорю: «Я же тебя не обманываю, я правильно играю». А он мне говорит: «Из тебя порядочного человека не выйдет». И бьет по губам.

Мы сидели перед большой, во всю стену, голландской печью и жгли ноты.

В столовой после полумрака детской мне пришлось зажмуриться. Отец внимательно слушал приемник. Это был громоздкий желтый ящик с крохотным светящимся окошечком посередине. Отец утверждал, что этот приемник может поймать любую станцию, с хрипом и треском, но любую. Несмотря на все уговоры мамы, он не соглашался поменять его на какую-нибудь новую марку. Он не повернул головы.

— Иди к отцу Азада и передай, я просил его зайти, по дороге напомнишь дяде Шакро, что я его жду не в шесть, а в семь.

Дядя Шакро — это старый парикмахер, он приходил стричь и брить на дому всех мужчин и детей нашего квартала.

Сперва я забежал к дяде Шакро. Сидя перед окном во двор, он размашисто гонял по широкому ремню бритву.

— Подожди, подожди, — сказал он мне, когда я собрался бежать дальше. — Скажи отцу, что ты сам видел, как дядя Шакро точил бритву, посмотри, какую бритву — «Два мальчика»!

Действительно, на тонком блестящем лезвии были вытиснены изображения двух голых мальчиков.

— Таких бритв больше не делают, — покачал головой дядя Шакро, — это у меня последняя. Я ею не каждого брею. У нас на улице только двоих клиентов я брею этой бритвой. Ты будешь третий, потому что ты сын очень уважаемого человека. Правда, я еще должен дожить до того времени, когда ты начнешь бриться... Дареджан, Дареджан! — пронзительным голосом закричал вдруг дядя Шакро. — Принеси вина!

— Что ты кричишь, это ты кричишь? — сказала, входя в комнату, тетя Дареджан. — Соседей испугаешь! Какое вино! Кто пьет с таким маленьким мальчиком? Ты что, с ума сошел?!

Дядя Шакро сам достал вино и разлил его в крошечные рюмки.

— Выпьем за то, чтобы ты был похож на своего отца — он очень хороший человек, и чтобы мой сын был похож на меня, потому что я тоже неплохой человек. Выпьем за то, чтобы дети были похожи на своих родителей, а то иначе пропадет весь мир...

На этот раз дядя Сабир узнал меня сразу. Я передал ему просьбу отца, он кивнул головой и сразу же пошел за мной. Мать Азада испуганно посмотрела нам вслед.

— Азад у вас? — спросил он у меня, когда мы подходили к дому.

Дядя Сабир первый раз шел к нам, несмотря на то, что много лет жил по соседству и очень давно работал в учреждении, где начальником был мой папа.

Я не знаю, о чем говорили мой отец и дядя Сабир. Я только слышал, как дядя Сабир, прощаясь с отцом в передней, сказал:

— Я же очень хочу, чтобы он вырос человеком. Все делаю. Новые туфли — пожалуйста, новый костюм — на! Деньги на учительницу по музыке, триста рублей в месяц — вот, только будь человеком. Я не пью, не курю... Я не такой... Я думаю только о своей семье. Мы же не мухи! Для меня самое главное, чтобы мой сын стал человеком... Разве я не прав? Воспитываю, все силы ему отдаю...

Отец вздохнул.

— Приходите почаще. А Азад пусть сегодня переночует у нас...

Через несколько месяцев мы переселились в другой район. Но по-прежнему я ходил в свою старую школу. И по-прежнему мы подходили после уроков к 18-й женской школе, где училась Саидка, и шли все вместе через Шемахинку на 1-ю Параллельную, к нашему, вернее, теперь к ее дому. О своих взаимоотношениях с отцом Азад ничего не говорил, и я у него тоже ничего не спрашивал. Мы выросли, незаметно для себя и, наверное, для окружающих.

В футбол на улице мы больше не играли. Постепенно начали интересоваться модой, посещать места, где можно было потанцевать. Кстати, таких мест в Баку было тогда немного. Собственно говоря, в городе в то время был единственный джаз-оркестр — он играл в клубе «Бакпорт».

В «Бакпорте» существовала своя этика, и ее неукоснительно придерживались все. Нельзя было приглашать незнакомую девушку, если только когда-нибудь она тебе отказала, и запрещалось улыбаться, глядя на не умеющего танцевать. Я ни разу не видел, чтобы в этом клубе подрались, а если на танцплощадку приходил пьяный, его немедленно выводили на свежий воздух.

Завсегдатаем этого клуба стал Азад. Мне кажется, благодаря этому оркестру, и главным образом Азаду, я понял по-настоящему, что такое джазовая музыка, и полюбил ее.

В тот вечер мы пришли в «Бакпорт» втроем: Саида, Азад и я. Мы пришли туда после вечера в 6-й школе, где я учился с этого учебного года. Это был чудесный вечер. Мы шли по улице втроем, взявшись за руки, Саидка посередине, и смеялись. Азад все время посматривал на Саиду, по-моему, он тогда был в нее влюблен. Потом мы пришли в «Бакпорт», и в перерыве между танцами все музыканты подошли и за руку поздоровались с Азадом. Такой чести удостоивался не каждый даже из самых верных завсегдатаев клуба, и Азад гордо сказал:

— Познакомьтесь, это мои друзья.

Я еще раз повторяю, это был превосходный вечер. Мы по очереди танцевали с самой красивой девушкой в этом клубе, в нашем городе, во всем мире. А потом мы пошли домой. Я предложил сесть в такси, деньги у меня были, и у Азада они всегда водились, отец его не был скупым. Но Саида сказала, что глупо в такой вечер не пройтись, и мы пошли пешком.

Когда мы подошли к дому Азада, а мы не смогли его миновать, была половина второго ночи. Я заметил, что Азад помрачнел и замолчал, но не придавал этому значения. Вдруг из подворотни выступила фигура в белом — это был дядя Сабир в нижнем белье, и в тишине ночи раздался звук пощечины... Саидка вскрикнула...

— Мерзавец, — сказал дядя Сабир. — Больной отец не спит ночь, ждет его, а он шатается до утра! Марш домой! У тебя совесть есть?!

...Все, что я рассказываю, произошло до того, как я первый раз надолго уехал из Баку. После возвращения я часто собирался зайти на нашу улицу, но все не мог выбрать времени. И вот однажды я договорился с Саидкой пойти в кино. Мы неторопливо шли по улице, до начала сеанса оставалось почти два часа. У входа в кинотеатр «Вэтэн» стояла группа людей, которых пугливо обходили прохожие. В центре покачивался изрядно пьяный худощавый парень.

— Это Азад, — сказала Саида.

Это был он. Он тоже узнал нас и, улыбаясь, пошел нам навстречу. За ним следовали какие-то парни.

— Родные мои! — закричал Азад и бросился обниматься. — Познакомьтесь, — обратился он к своим приятелям. — Это мои самые лучшие друзья! Самые лучшие...

Приятели Азада по очереди пожали нам руки. Одного из них мне пришлось поддержать.

— Идем, — позвал нас Азад. — Сегодня вы мои гости. Посидим, вспомним старое. Идем в ресторан «Ширван»... Хороший ресторан... А деньги у меня есть... Сколько хотите, я сейчас очень много зарабатываю. На такси... Пошли...

— Как дела, Азад? — спросил я.

— Посидим поговорим о старом! Хорошо, что я вас встретил. Пойдем посидим немного!

— Как-нибудь в другой раз, — сказал я. — Мы идем в кино.

— При чем здесь кино? — спросил Азад. У меня было ощущение, что он мгновенно отрезвел. — Сколько времени не виделись, и — кино... Пойдем поговорим!

— Нет, — уже решительно отказался я. — Как-нибудь в другой раз. Созвонимся.

И мы пошли... Когда мы отошли на два квартала, Саида сказала:

— Он смотрит нам вслед.

Я обернулся. Далеко, на перекрестке, стоял худой невысокий паренек и, заложив руки в карманы, слегка покачиваясь, глядел нам вслед...

...Наша улица в общем-то за эти годы изменилась мало. Стало больше деревьев и вместо керосиновой лавки открыли молочную. И ходят по нашей улице совершенно незнакомые люди. Дядя Сабир прошел мимо и не узнал нас. У него было лицо очень больного человека.

— Мы тоже виноваты, — вдруг сказала Саида.

— Да нет. Мы ни в чем не виноваты. Мы же были детьми.

— Виноваты, — упрямо повторила Саида. — Мы все в чем-то виноваты перед остальными людьми, и все в разные периоды жизни что-то остались им должны...

Мне показалось, что она повторяет чьи-то слова, мне показалось, что я это уже слышал, но никак не мог вспомнить, от кого я их слышал и когда.

Мы шли по дороге нашего детства...

1967